

Лингванонфикшн

WORDCRIME

**SOLVING CRIME THROUGH
FORENSIC LINGUISTICS**

John Olsson

Bloomsbury Academic
An imprint of Bloomsbury Publishing Plc

B L O O M S B U R Y
LONDON • NEW DELHI • NEW YORK • SYDNEY

Джон Олссон

**СЛОВО
КАК
УЛИКА**

Lingua

Издательство АСТ
Москва

УДК 81'33+343
ББК 81.1+67.5
О-55

*Печатается с разрешения издательства
Bloomsbury Publishing Plc при содействии
литературного агентства Andrew Nurnberg.*

Внутреннее оформление О. А. Лёвкина

Олссон, Джон.

О-55 Слово как улика. Всё, что вы скажете, будет использовано против вас = Wordcrime: Solving Crime Through Forensic Linguistics / Джон Олссон ; [пер. с англ. А. Б. Зуева]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 256 с. — (Лингванонфикшн).

ISBN 978-5-17-103416-0

«Слово как улика» — это 23 реальных случая из практики Джона Олссона, самого известного в мире судебного лингвиста, среди которых убийство, сексуальное домогательство, смерть при загадочных обстоятельствах, шантаж, поджог и даже участие в геноциде. Олссон описывает, какие текстовые улики он смог собрать в каждом из этих случаев и что именно позволило ему установить виновность подозреваемого. Автор, чей стиль отличают доступность и ясность изложения, рассказывает, как достижения лингвистики могут с успехом использоваться в такой неожиданной для нее области практического применения, как обеспечение правопорядка.

Книга Олссона — увлекательное чтение для всех, кто интересуется лингвистикой и популярным жанром true crime — подлинные истории преступлений.

УДК 81'33+343
ББК 81.1+67.5

ISBN 978-5-17-103416-0

© John Olsson, 2009
© Зуев А. Б., перевод, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Оглавление

Введение	7
----------------	---

Часть 1

Глава 1. Убийство с бочкой	15
Глава 2. Убийство с велосипедом	21
Глава 3. Тюремная контрабанда героина	29
Глава 4. «Код да Винчи» — плагиат?	36
Глава 5. Дневник, поведавший обо всем	53
Глава 6. Мужчина с бейсбольной битой	62
Глава 7. Респектабельный адвокат или манипулятор-Свенгали?	68

Часть 2

Глава 8. Убийство или суицид?	77
Глава 9. Что случилось с Дженни?	85
Глава 10. Дело о медицинской дезинформации	93
Глава 11. Стратегия шифрования: дилемма заключенного	103
Глава 12. Геноцид в Руанде	111
Глава 13. Смертельные угрозы в тропиках	119
Глава 14. «Профессиональный» анализ: ложное обвинение	127
Глава 15. В камере смертников	146

Часть 3

Глава 16. Предательская точка	169
Глава 17. Неприметный педофил	179
Глава 18. Признание иска недобросовестным из-за прокурорского меморандума	189
Глава 19. Анонимные письма	201
Глава 20. Вернуть отправителю	214
Глава 21. Эрни или Ронни?	225
Глава 22. Свидетель утверждал... утверждал ли?	231
Глава 23. Торговля людьми и язык травмы	242

Введение

Что такое судебная лингвистика? Раз вы читаете эти строки, то у вас уже, вероятно, есть ответ на этот вопрос. С другой стороны, вы, возможно, ничего и не слышали о таком предмете и желаете узнать о нем побольше.

Меня зовут Джон Олссон, и последние 15 лет я был (и остаюсь) единственным в мире профессиональным судебным лингвистом. Это книга о моей работе, и отчасти она призвана проиллюстрировать то, как судебная лингвистика помогает раскрывать преступления. Однако сначала я хочу обратиться к истории вопроса. Позвольте вкратце обрисовать возникновение этой науки.

В 1968 году шведский лингвист, работавший в Лондонском университете, услышал об одном деле, имевшем место несколькими годами раньше. Оно касалось убийства двух женщин и ребенка по печально известному лондонскому адресу — Кенсингтон, Риллингтон-Плейс, 10. Риллингтон-Плейс из-за этого так «прославился», что властям по просьбе его обитателей пришлось изменить название на Растон-Клоуз. Тем не менее дурные ассоциации сохранились, и в конце концов местный совет снес всю улицу, а в 1970-х годах она была застроена новыми домами.

Жильцом первого этажа дома номер 10 на Риллингтон-Плейс был некто Джон Кристи — тихий, пожалуй даже застенчивый человек, по-видимому счастливо женатый. Этажом выше жили Тимоти Эванс со своей женой Берил и их маленькой дочерью. В 1949 году Эванс пропал с Риллингтон-Плейс, и стали возникать вопросы касательно местоположения его жены и дочери. В ноябре того же года Эванс сдался в руки полиции в Южном Уэльсе, где он

жил у своего дяди на Мертир Тидвил. Здесь в истории начинает играть свою роль судебная лингвистика, так как Эванс, сознавая в преступлении, предположительно сделал в полиции несколько заявлений. Эванс был признан виновным на основании этих заявлений и на основании показаний Джона Кристи. Он был повешен в 1950 году. Позже исчезла жена Кристи, а его странное поведение начало вызывать вопросы у соседей. Когда Кристи съехал со своей квартиры, новый жилец, переставляя шкаф, сделал ужасное открытие: он обнаружил полуодетое тело женщины. Прибывшая на место полиция нашла следы еще нескольких убийств. В конце концов Кристи выследили, предъявили ему обвинение, признали виновным и повесили. Незадолго до своей смерти он признался в убийстве жены Эванса и, «возможно», их дочери. Несмотря на настоятельные просьбы расследовать эти заявления до смертной казни, министр внутренних дел отказался отсрочить повешение, и Кристи был казнен в июле 1953 года.

В 1949 году Эванс пропал с Риллингтон-Плейс, и стали возникать вопросы касательно местоположения его жены и дочери. В ноябре того же года Эванс сдался в руки полиции в Южном Уэльсе, где он жил у своего дяди на Мертир Тидвил.

Преступления, в которых он сознался и за которые был повешен Эванс, еще более десяти лет приписывались Эвансу, пока в 1960-х этим делом не заинтересовался журналист Людовик Кеннеди, а сделанные в полиции признания Эванса не привлекли внимание шведского профессора из Лондонского университета Яна Свартвика. Тот исследовал эти заявления и заключил, что стиль их языка неоднороден и что по большей части они написаны в так называемом полицейском регистре. Разбор Свартвика и напористая кампания Кеннеди вынудили министра внутренних дел снять с Эванса обвинения и оправдать его посмертно. Вероятно, это была первая апелляция в деле об убийстве в истории, в которой видную роль сыграла судебная лингвистика. Термин «судебная лингвистика» ввел Свартвик в своих отчетах, поэтому его называют отцом этой дисциплины.

В 1990-х годах внимание лингвистов из университета Бирмингема привлекло дело Дерек Бентли. Я тогда был аспирантом и за-

нимался лингвистическими исследованиями. Во время ограбления в Южном Лондоне сообщник Бентли, Крис Крэйг, открыл огонь по констеблю Сидни Майлсу. В заявлениях, якобы надиктованных Бентли офицерам полиции, было обнаружено несколько странностей. Под подозрение попал ряд других принятых ранее признаний, и несколько из них были аннулированы, главным образом на основании результатов теста ESDA — электростатического исследования, отчасти схожего с фотокопированием. Если в процессе письма по листу бумаги под него были подложены другие листы, то ESDA позволяет прочесть по нижним листам то, что было написано на верхнем.

В 1994 году я основал Институт судебной лингвистики в Соединенном королевстве, и с тех пор он стал одной из ведущих лингвистических лабораторий мира. Я и мои коллеги исследуем тексты любых типов на предмет авторства, аутентичности, толкования значения, спорного языка и для иных судебных нужд. Одно из первых дел требовало анализа заявления предполагаемого террориста, сделанного в полицейском участке в Паддингтон Грин в середине 1980-х. С тех пор я руководил примерно тремя сотнями лингвистических расследований. В их рамках мы занимались лингвистической проверкой подлинности предсмертных записок, оценкой угроз в ходе вымогательства, проверкой аудиозаписей полицейских допросов на предмет оказания давления в ходе допроса (что нынче случается довольно редко) и установлением авторства сотен бумажных и электронных писем и SMS-сообщений в ходе расследований убийств, вымогательств, давления на свидетелей, сексуального насилия и детской порнографии. Я работал на полицию, адвокатов, международные компании и организации и даже на частных клиентов, получивших письма с угрозами, автор которых мог жить на соседней улице или даже в соседнем доме.

В другом давнем деле президент клуба собаководов на Среднем западе США попросил выяснить, не является ли автором гневных писем, приходящих на адрес клуба, кто-то из его членов. Наиболее вероятным автором оказалась кроткая пожилая леди, преданно ведущая административные дела клуба в течение многих лет, но расстроенная поражением своих питомцев на ежегодном клубном конкурсе. Это может показаться неожиданным, но письмо с угрозами порой можно получить и от члена своей семьи: так, в одном

случае недовольную женщину привели в ярость успехи ее младшего брата в отельном бизнесе, и она изливала яд в потоке писем в адрес местной торговой палаты, в которых не только очерняла его старания, но и оскорбляла его жену, обвиняла его в нацизме и утверждала, что в отеле часто устраивали уик-энды, посвященные превосходству белой расы. Еще в одном случае девочка-подросток завидовала приближающейся свадьбе своей старшей сестры и пыталась рассорить ее с ее женихом. С другой стороны, гневные письма не всегда приходят от родственников: недавно мне довелось расследовать дело, в котором мужчина среднего возраста, получив отпор своим сексуальным домогательствам к юноше-подростку, написал его родителям письмо, в котором обвинил юношу в растлении малолетних. Отец юноши, возможно, в результате этого обвинения и под впечатлением от поругания чести семьи, покончил с собой.

Это может показаться неожиданным, но письмо с угрозами порой можно получить и от члена своей семьи: так, в одном случае недовольную женщину привели в ярость успехи ее младшего брата в отельном бизнесе, и она изливала яд в потоке писем в адрес местной торговой палаты, в которых не только очерняла его старания, но и оскорбляла его жену, обвиняла его в нацизме и утверждала, что в отеле часто устраивали уик-энды, посвященные превосходству белой расы.

Однако читателю необходимо кое-что знать на случай, если он станет жертвой гневных писем в свой адрес или писем, очерняющих его друга, родственника или коллегу: во всех таких письмах, с которыми я сталкивался, обвинения оказывались клеветой, чистым вымыслом. Но вымыслом, способным ломать жизни, чему я слишком часто оказывался свидетелем. Один знакомый мне бизнесмен получил несколько таких писем, и они его чуть не уничтожили, хотя и он сам, и все его окружение знали, что обвинения в этих письмах совершенно ложны. Лишь крепкая поддержка семьи помогла ему в конце концов оправиться. Виновник этого ужасного преступления (а для того чтобы понять, насколько серьезны такие преступления, достаточно лишь увидеть их влияние на жизни людей) так и не был найден.

Не следует также предполагать, поддаваясь влиянию мрачных фильмов 1940-х и 50-х, будто гневные письма пишут исключительно женщины. Это вовсе не так — злоба и мстительность не имеют пола, возраста и социального положения. Я видел письма с угрозами от подростков, пожилых аристократов и ремесленников среднего возраста, от очень успешных предпринимателей, врачей и респектабельных дедушек. С появлением интернета наступил новый расцвет жанра: любому под силу завести бесплатный электронный адрес и публиковать под псевдонимом сколь угодно гнусную клевету о ком угодно на публичных форумах или отправлять ее лично по электронной почте. Однако несмотря на все технические достижения, Королевская почта и прочие почтовые службы по всему миру по-прежнему ежедневно доставляют тысячи традиционных, написанных на бумаге посланий, призванных разрушить счастливую жизнь, очернить достойную репутацию и посеять семена ненависти в душах когда-то преданных друг другу пар и семей. Не всегда мотивом является ненависть: зачастую дело в сочетании скуки и неспособности предвидеть неизбежный причиняемый вред.

К счастью, судебная лингвистика занимается не только письмами, содержащими угрозы. Каждый день приходится разбирать что-нибудь небывалое: отец хочет узнать, действительно ли полученное им от дочери письмо написано ею; мать обеспокоена тем, что письменная речь ее дочери подвергается влиянию «бандитского жаргона»; страховая компания пытается выявить голос мошенника среди нескольких кандидатов; полицейский детектив хочет истолковать шифрованное письмо заключенного к соучастнику; заключенный утверждает, что он невиновен; адвокат работает над апелляцией для своего клиента; сотруднику кажется, что его начальство пытается его подставить, утверждая, что он написал анонимку — этот список кажется бесконечным.

За те пятнадцать лет, что я занимаюсь этой работой, я проанализировал буквально тысячи текстов сотен разных авторов, имеющих отношение ко множеству разнообразных преступлений. За это время судебная лингвистика выросла из маргинальной дисциплины, которой страстно увлекались единицы, в международно признанную практику, способную принести настоящую пользу слугам закона и юристам.

В этой книге я изложу подробности некоторых из многочисленных случаев, над которыми мне выпала честь работать. Везде, где возможно, я избегал упоминаний имен жертв, мест их проживания и их прошлых и нынешних занятий. Из-за этого в том или ином деле я порой не мог указать и на личность преступника. К сожалению, некоторые случаи широко известны публике, обезличить их нельзя, и следящий за ежедневными новостями читатель с легкостью их распознает. Некоторые случаи еще слишком недавние для того, чтобы писать о них, но я надеюсь, что смогу описать их позже, когда воспоминания о конкретных преступлениях и событиях уже несколько сотрутся из памяти общественности.

Я надеюсь, что эта книга, в которой рассказаны истории многих жизней, в основном обычных людей, зачастую не по своей воле столкнувшихся с незаурядными обстоятельствами, покажет вам силу лингвистического анализа в раскрытии преступлений. Рассказывая вам об этих жизнях, я пытался сделать повествование простым и приземленным. Моя главная цель заключалась не в том, чтобы рассказать хорошую «байку», а в том, чтобы проиллюстрировать сложное и увлекательное устройство языка и то, каким мощным ресурсом он может быть, вступая на территорию закона. Если эти истории окажутся достойными прочтения, то я надеюсь, что это ни в коей мере не умалит важности и трагичности описанных в них событий. Я всегда осознаю тот факт, что моя работа в первую очередь касается людей, а не только языка, и за годы работы я уверился в том, что это не только привилегия, но и ответственность.

Судебная лингвистика зародилась как инструмент, позволяющий исправлять ошибки правосудия. Сегодня она играет активную повседневную роль в наших судах. Систему общего права, развившуюся в Англии, Уэльсе, Шотландии и Ирландии в последнюю тысячу лет, следует ценить всем живущим на этих островах, несмотря на совершенные ею за эти годы несомненные ошибки. Именно поэтому так важна криминалистика. Во времена, когда разрушение гражданских прав и свобод снова стало темой, обоснованно вызывающей бурление страстей, криминалистика оказывается одним из охранителей справедливости и свободы. Зародившись сорок лет назад, судебная лингвистика ныне стала важной и, думаю, неременной составляющей этого процесса.

Часть 1

Глава 1

Убийство с бочкой

Джули Тёрнер, жительница Йоркшира, пропала летним вечером 2005 года. Ей было всего сорок, она была привлекательной женщиной, матерью двоих детей, и жила в Шеффилде. Во вторник седьмого июня около шести часов вечера она вышла из дома для того, чтобы отправиться по магазинам с Говардом Симмерсоном — мужчиной, любовницей которого была уже четыре года. Ее друг Даррен знал, что она будет с Симмерсоном. Джули не скрывала этих отношений, и соседи часто видели поблизости его мерседес, когда он увозил и привозил ее. Они даже, бывало, вместе забирали ее детей из школы.

Симмерсон жил в Крессуэлле, графство Дербишир, что примерно в тридцати километрах к югу от Шеффилда. В одиннадцать часов того же вечера Джули все еще не вернулась, и Дарреном овладело растущее беспокойство. Он решил съездить к дому Симмерсона. Мерседес был припаркован у дома, но в доме было темно, и, судя по всему, Симмерсона дома не было. Растерянный Даррен поехал домой. Наконец, четыре часа спустя, в 3:22 утра среды, он сообщил о пропаже Джули. Звонки родственникам и в местные больницы результата не принесли — никаких следов Джули.

На следующий день Даррен получил следующее SMS-сообщение:

Остаюсь у джилл, вернусь позже нужно разобраться в своей голове